

**Семинарское движение в социологии
1960-1970-х годов:
параллельная наука или «игра в бисер»?**

Социология и «оттепель»

Возрождение социологии в нашей стране, пришедшее на конец 1950-х и 1960-е гг., в значительной степени обусловлено либерализацией общества, в период хрущевской «оттепели». Это была одна из немногих научных дисциплин, инициированных не властями, а «снизу», расцветшая как своего рода ответ на социальный вызов. Представители нового поколения гуманитариев, воспользовавшись ослаблением идеологического контроля и провозглашенной политикой «мирного сосуществования», значительно расширили научные контакты, формальные и неформальные, с «буржуазными» коллегами. Для отечественных общественных наук открылись новые возможности освоения западных социологических идей (хотя и осуществляемого все еще в рамках «критики буржуазных теорий»). Социологии повезло больше других: она была легитимирована властями, хотя и в значительной степени как экспортная версия исторического материализма. (В Постановлении ЦК КПСС о создании Советской социологической ассоциации в 1958 году прямо говорится о том, что делается это исключительно для вхождения в Международную социологическую ассоциацию¹).

Социология, возродившаяся на романтической волне «оттепели», имела, с одной стороны, исключительно тесные связи с литературой, искусством, кино и т.д., и с другой — смогла привлечь в свои ряды старую «философскую гвардию», чувствовавшую необходимость изменения своих риторических конструкций, а также партийное руководство, желавшее «смены вывески». Все это во многом определило стиль и будущую судьбу дисциплины. Именно здесь следует искать истоки мощного семинарского движения в социологических и в целом в общественных науках 60-х гг. Это движение находилось в русле общественной жизни того времени с ее театрами-студиями, дискуссиями между «физиками» и «лириками», с многочисленными литературными кружками.

Семинары, о которых пойдет речь — научные. Каковы были их задачи и функции? Каков был состав участников? И общий результат их деятельности, осознаваемый в те годы и сейчас? Была ли это нормальная форма научной деятельности, научной коммуникации?

На эти и целый ряд связанных с ними вопросов предполагается дать ответ в рамках данной статьи

Ведя речь о конкретном историческом сюжете — «семинарском движении» в социологии и неформальной научной коммуникации в социологической среде 60-70-х гг, автор стремится учитывать как мировой социокультурный контекста, так и внутреннюю логику развития самой науки.

Методологической основой настоящего исследования является концепция исторического исследования А.С.Лаппо-Данилевского², согласно которой непосредственному, чувственному восприятию историка доступна лишь самая незначительная часть действительности, остальная же известна лишь по ее «остаткам» : из чужих наблюдений, воспоминаний и оценок, доступных исследователю. Таким образом, источник есть продукт человеческого творчества в самом широком смысле слова³. Источниковедческая парадигма содержит особую трактовку взаимоотношения проблемы субъекта (историка) и объекта (источника): она предполагает признание «чужой одушевленности», выраженной в тексте, таким образом, акт познания превращается в диалог двух субъектов — создателя источника и его исследователя.

В соответствии с этой концепцией *источниковой базой исследования являются* архивные документы и интервьюирование участников тех событий. Сравнительный анализ этих двух типов источников, осуществленный нами ранее⁴, дает более полную картину событий, позволяет проследить в том числе и латентные процессы саморазвития социологии, динамику профессионального общения, механизмы взаимоотношения поколений ученых, лидеров и рядовых участников и т.д. — словом, то, что вкладывается в понятие «научная коммуникация».

Обращаясь к интересующему нас периоду, мы должны иметь в виду, что и собственно выступления на научных семинарах, являвшихся «полуофициальными» мероприятиями, списки их участников и даже повестки дня редко фиксировались на бумаге,. Поэтому в данной работе основное внимание уделено источникам мемуарного характера, а также личным интервью, проведенным автором в 1997-1998 гг. В качестве интервьюируемых выступили выдающиеся отечественные социологи, а также отчасти философы и психологи, участвовавшие в 60-е гг в работе социологических семинаров. Имена их хорошо известны сегодняшним социологам.

Возникновение семинаров и направления их деятельности

Своего рода эпицентром интересующей нас активности был МГУ а именно философский факультет. Уникальной была атмосфера, сложившаяся на этом факультете на рубеже 1940-50-х гг, уникальной не только для периода «позднего сталинизма». Ю.А.Левада вспоминает: «В те годы через факультет проходил «сильный пучок» интересных людей — ни раньше, ни позже, кажется, такого «парада планет» не было».

Именно здесь берег начало семинарское движение в общественных науках, начавшись в виде логического кружка, возникшего в 1952 и просуществовавшего до 1958 г. Членами этого кружка были А. А. Зиновьев, Г. П. Щедровицкий, Б. А. Грушин, М. К. Мамардашвили и Н. Г. Алексеев и др.

На философском факультете образовалось своего рода студенческо-аспирантские движения, активная деятельность которых протекала в форме семинарских занятий и отражала повальное увлечение молодых ученых-обществоведов методологией науки и применением ее к самым различным дисциплинам (так, для одного из таких семинаров главным объектам исследований стал «Капитал» К. Маркса, из текста которого вычитывались основные приемы научного мышления). Многие из тех, кто тогда учился в МГУ (и не только на философском факультете, хотя молодые философы составили костяк «семинарского» движения) организовывали свои собственные семинары.

Вот их далеко не полный перечень:

— Московский методологический кружок *Г.П.Щедровицкого*, занимавшегося принципами параллелизма формы и содержания мышления, различием формальной и содержательной логик, приведших к методике организационно-деятельностных игр;

— семинар *Левады ЮА.*, имевший социологический характер в самом широком смысле слова (здесь обсуждались социальные, теоретико-экономические, семиотические, исторические и культурологические темы). В определенный момент своего существования от семинара отпочковались логическая группа (*А.И.Ракетов* и *ЮА.Гастев*) и семиотическая (семинар «Семиотика и культура» — *Д.Б.Зильберман*, *Д.М.Сегал*, *Т.М.Дридзе*);

— семинар *Б.А.Грушина* «47 пятниц», возникший вокруг проекта «Таганрог»;

— семинар по прогнозированию *И.В.Бестужева-Лады*;

— семинар по методологии истории *М.Я.Гедфера*;

— семинар *В.С.Бибяера* по философско-теоретическому осмыслению проблем культуры;

— семинар «диалектиков» *Э.В.Ильенкова* и *Г.С.Батищева*;

— семинар по исторической культурологии *А.Я.Гуревича* и *Л.М.Баткина*;

— семинар по всеобщей истории *Г. С. Кнабе*;

— семинар *В.А.Ядова*, существовавший вокруг проекта «Человек и его работа» в Ленинграде;

— Сибирский методологический социологический семинар, действовавший в Новосибирске в Академгородке, руководители *В.Э.Шляпентох*, *В.Н.Шубкин*, позднее — *Р.В.Рыбкина*;

— Новосибирский методологический семинар, также находившийся в Академгородке, руководитель *М.А.Розов*.; семинар занимался разработкой эмпирической эпистемологии и философии науки;

Здесь же следует упомянуть встречи семиотиков, а также встречи социологов в Кяэрику (Эстония, Тарту), и слет структуралистов в Москве в 1962 и последующих годах.

Каковы были причины столь широкой популярности именно этой формы научной или, возможно, общественно-научной, коммуникации?

Ответ на этот вопрос мы обнаружим при рассмотрении двух контекстов их деятельности — социально-политического и собственно научного. 1960-е гг. были овеяны некоторым ореолом романтизма: период «оттепели», вступление в активную жизнь нового поколения (почти что «непоротых дворян»), принесше-

го с собой новые нравственно-этические нормы и гражданские ценности, короче, почти свобода!

«Мироощущение, освобождающее от страха, максимально приближающее мир к человеку и человека к человеку (все вовлекается в зону вольного фамильярного контакта), с его радостью смен и веселой относительностью, противопоставит только односторонней и хмурой официальной серьезности, порожденной страхом, догматической, враждебной становлению и смене, стремящейся абсолютизировать данное состояние бытия и общественного строя. Именно от такой серьезности и освобождало карнавальное мироощущение», — так писал М Бахтин как будто бы именно об этом времени⁵.

Известные публицисты-эмигранты П.Вайль и А.Генис, много внимания уделившие изучению самой атмосферы «оттепели», писали: «Дружба — эмоция, оккупировавшая 60-е, — стала источником независимого общественного мнения. Неофициальный авторитет стоил дороже официального, и добиться его было труднее. Остракизм «своих» был более грозной силой, чем служебные неприятности. В начале 60-х еще можно было совмещать служение государству с дружеским общением. Но когда пришло время выбирать одно из двух, шестидесятники оказались в экстремальной нравственной ситуации. Сама проблема выбора появилась только благодаря влиянию общественного мнения. А оно, в свою очередь, родилось из дружбы, казавшейся таким легкомысленным заместителем надежных гражданских добродетелей. Эпоха, когда несерьезное стало важнее серьезного, когда досуг преобразовывал труд, когда дружба заменила административную иерархию, трансформировала и всю систему социально-культурных жанров... Допотопной глупостью казались торжественные собрания, кумачовые скатерти, речи по бумажке. Все по-настоящему важное могло происходить только в сфере «фамильярного контакта». Стихи не читали, а слушали. Юбилейные заседания превращались в дискуссии. Капустник [самодельное театральное представление, в котором обычно обыгрываются сюжеты из жизни коллектива, часто непонятные посторонним — М. П.] торжествовал над МХАТом. Стенгазеты конкурировали с газетами. Самодельность (тогда же КВН) вытесняла профессионалов»⁶.

Примерно такая же атмосфера царила и в науке. «Официальная общественная наука, официальная философия былидохлые... поэтому был интерес к нормальным, не идеологизированным в принципе, на западный манер исследованиям. Во всяком случае, была необходимость исследовать реальность человеческого поведения, духа, метода, мысли философии... Культуриворовалось скорее «клубное», чем «лабораторное» общение», — вспоминает Ю.А.Левада.

Лидеры и аудитория

Мы не будем здесь подробно останавливаться на характеристике руководителей семинаров (хотя полученные нами данные и позволяют сравнивать их культурный и социальный капиталы), скажем лишь, что все они относятся к поколению «шестидесятников». Отличительными чертами этой генерации ученых, как справедливо отмечает В.В.Колбановский, являются левизна, стихийный демократизм, теоретический прогрессизм, нравственный максимализм, героический энтузиазм, исторический оптимизм. Их объединяют критическое отношение к действительности и к ортодоксальной догматике, а также общие социальные иллюзии. «Шестидесятники» стремились совершенствовать общество на базе его собственных институтов, по своей форме тоталитарных Социо-

логи и другие выдающиеся ученые, возглавлявшие кружки, независимо от первоначальных намерений и желаний действовали в соответствии с основной результирующей «стрелой времени», направленной от тоталитарных империй к более цивилизованным и демократическим формам человеческого общежития.

Далеко не просто ответить на вопрос о составе участников семинаров. Лишь в архиве семинара Ю.А.Левады имеются списки не только выступавших с докладами, но и присутствовавших на заседаниях, но эти списки велись не всегда; кроме того, фамилии порой с трудом поддаются расшифровке.

Интервьюирование ряда социологов из числа бывших участников семинаров показывает: существовал некий вполне определенный круг слушателей, ходивших с семинара на семинар, с лекции на лекцию. Для многих из них такие мероприятия были своего рода *светской жизнью*. А.Б. Гофман, например, отмечает в этой связи, что наряду с ними на всякой лекции, публичном выступлении или дискуссии присутствовали *люди «с приветом»* и *«любители туманных высказываний»*, которые отводили душу, неся околесицу, что там бывали «чудаки», присутствовали и *«стукачи»*, которые часто легко «вычислялись». Но основную часть аудитории составляли *«коммуникативно ориентированные»* люди, которые вообще ходили всюду, где что-нибудь происходило.

Кроме того, вспоминает А. Т. Левинсон, среди участников семинаров была такая интересная категория, как *«интересующиеся девочки»*. По его словам, это был довольно узкий слой интеллигентных девушек и дам, среди которых циркулировал самиздат, это были люди, которые образовывали общественность... Они являлись носителями норм порядочности, морали.

«Важно, что они были действительно девочки, женщины, а если мужчины, то такого фемининного склада... Это слой, через который транслировалось либеральное мировоззрение... Это был такой слой, существенная черта того типа существования социума в крупном городе, хранящего ценности, которые потом привели к разрушению Системы. Вторжение в Чехословакию осуждалось здесь, то, что говорили и писали Сахаров и Солженицын — читали здесь. Они были девочками во многих смыслах. Девочками или матерями-одиночками. Это была их стезя. Они не находили адекватных партнеров. Их не устраивали эти мужчины, которые были налицо. И это очень важно... Мужчины не отвечали нравственным требованиям, которые транслировали эти женщины. Они отвечали за культуру и за нравственность. Эта среда не была креативной, она ничего не делала, ее роль была что-то воспринять и передать куда-то, просто-напросто детям... они сидели, они записывали, они были рьяными поклонниками, они обожали Леваду», — свидетельствует А.Г. Левинсон.

«Научную» часть аудитории (помимо, разумеется, социологов и людей, таковыми себя считавших) составляли также, по воспоминаниям интервьюируемых, всякие *«умники»*, провинциальные и московские, обществоведы-профессионалы и представители каких-нибудь совершенно иных профессий. Специалисты в чем угодно. Эти люди, по наблюдениям А.Г.Левинсона активно участвовали, они задавали вопросы, вызывали полемику. Они задавали научный уровень.

Функции семинаров

Первой и самой главной функцией семинаров, видимо, следует считать их *образовательный*, или *просветительский* характер. Эти семинары играли пивную роль в становлении многих научных дисциплин и направлений в стране. (Помимо социологии, таким же образом в те годы развивалась семиотика).

Чем это было обусловлено?

Социологическая традиция в нашей стране была прервана, мало кто слышал о работах русских дореволюционных социологов, а тем более читал их. Переводных работ зарубежных социологов практически не было (одним из первых переводов была «Социометрия» Дж.Морено, изданная в 1958 году). Труды на иностранных языках были доступны лишь немногим, их выборочные переводы и рефераты делались «для себя». Неудивительно, что приобщение к мировой науке, общее знакомство с *западными идеями* шло едва ли не главным образом через общение с отечественными коллегами, причем в устной форме — в виде обмена докладами и изложения собственных идеях, возникающих в этой связи.

Форма устной (и неформальной) коммуникации была продиктована еще и тем, что социология как обществоведческая дисциплина была в значительной степени *подконтрольна* и *подцензурна*. (Интересно, что развернутая позже кампания по критике «Лекций по социологии» Ю.А.Левады, инспирированная властями, началась не тогда, когда он читал их на журфаке МГУ, а позже, когда они были изданы в малотиражном сборнике Института конкретных социологических исследований).

Популярность устной формы распространения нового знания была продиктована еще и тем, что у социологов не было своего *печатного органа*

Журнал «Социологические исследования» был создан в 1974 г. До этого времени социологи имели возможность публиковаться в основном на страницах «Вопросов философии» к ряда общественно-политических журналов: «Проблемы мира и социализма», «Коммунист» и т.д. Кроме того, некоторое время издавался альманах «Социальные исследования (вышло семь номеров). Научный Совет по конкретным социальным исследованиям, Советская социологическая ассоциация и Институт конкретных социальных исследований издавали информационный бюллетень, имевший ограниченный тираж, к тому же многие его номера выходили под грифом «Для служебного пользования».

Социология 60-х гг имела одну существенную особенность — она чрезвычайно широко использовала приемы, методы и терминологию смежных социальных дисциплин — философии, психологии, истории и др.

В.А.Ядов сказал об этом: «Эта наша традиция шла от нищеты, от незнания, от отсутствия профессиональной подготовки. . Может быть, это связано с российской культурой вообще... Если Г. Андреева пришла в социологию из философии, потом стала психологом, а кто-то пришел из психологии или из математики, — это тропа в сторону междисциплинарного анализа»⁷.

Еще одной важной функцией семинаров было *создание профессионального сообщества*. Как образно выразился Н.И. Лапин, «кадры формировались на идеях» Семинары помогали совместно «тренировать мозги» и на книгах классиков, и на современных работах

Особо следует отметить также функцию осуществления *интеллектуальной свободы и служения истине*, кристаллизации этики науки.

«Что нас объединяло и воодушевляло—это пафос служения Истине, при том, что не важно, что истина вообще ничему не служит; это просто высшая самоценность во всей познавательной деятельности, которая существует в обществе в форме науки», — вспоминает Л.А.Седов. Об этом же говорили А.Б.Гофман: «Я вижу [смысл семинара — М. П.] в нравственной атмосфере, в духе свободы, безусловно интеллектуальной свободы, это чрезвычайно важно, там формировалась этика науки. ... Когда люди заботятся об истине независимо от шкурных или каких-то там еще интересов... Это имело определяющее значение для всех участников... Я знаю многих социологов, часто квалифицированных, но у них этой этики нет. От них можно ожидать чего угодно. Я не связываю это исключительно с семинаром, хотя, может, потому они туда и не ходили, потому что этика им была не нужна. Что здесь причина, что следствие, конечно, иногда трудно судить, но мне кажется, что одним из важных последствий была вот эта этика «связанная с духом свободы».

Критическая функция семинаров заслуживает особого упоминания. Самодетельные объединения ученых были определенной «фрондой»: темы выступлений, докладчики, аргументация научных споров, собственно атмосфера интеллектуальной свободы — все это являлось своего рода заочной дискуссией с властями. Правда, не с конкретными ее представителями, а скорее с властью, понимаемой абстрактно. Это была «воображаемая власть» уже потому, что ее реальные представители (как из партийных, так и из научных инстанций) игнорировали семинары как таковые.

«Разговор с властями» не был специальной целью семинаров. Но социология, «по определению» остро реагирующая на состояние общества, на его социальный контекст, да еще возникшая в период «оттепели», не могла не быть политически ориентированной. Правда, эта политическая составляющая, понимаемая как попытка явной критики существующего режима, отрицается как самим руководителем социологического семинара Ю.А.Левадой, так и большинством его участников.

Среди активистов семинарского движения не было «диссидентов» в буквальном (советском) смысле, хотя, конечно, были «подписанты» [лица, подписавшие письма в защиту диссидентов, адресованные властям — М.П.], было много будущих эмигрантов: в этой среде активно циркулировал самиздат. В целом многие участники семинаров вследствие своей социальной и научной активности имели четкую гражданскую позицию. То, что там безусловно присутствовало, А.Г. Левинсон назвал «политическим подтекстом».

Он вспоминает: «Манера и форма оппозиции властям была не та, что в лагерях, когда на лбу писали «Раб КПСС». Здесь нормой была эзопова речь, нормой было иносказание, показание, так сказать, драматичности существования через мелочь. И это ценилось. И в этом, если угодно, была эстетика поведения. Она же и этика. Просто встать и сказать: «КПСС—сборище бандитов и убийц!» — не знаю, было ли у кого-то такое желание. Скорее, такого рода чувства были где-то глубоко, они как источник энергии подогревали более закамуфлированные формы... Но такая вот игра: мы говорим — вы понимаете. И в этой двуплановости был свой смысл. Люди же оставались теми, кем они являлись, не становились в настоящем смысле в оппозицию к власти. Эта конструкция отношения интеллигенции с властями крайне сложная для социологии».

Таким образом, молодая, только что получившая право на существование социальная дисциплина, будучи менее идеологизированной по сравнению со старой марксистской философией, активно осваивала свою предметную область. Это был, по меткому выражению одного из респондентов, период «пред-социологии», когда еще не ясны были, хотя бы приблизительно, границы дисциплины, не определен ее статус в ряду других обществоведческих наук. Рожденная в «эмпирической рубашке», она начала активное освоение западных социологических теорий, как классических, так и современных.

Думается, результатом этого освоения должно было стать, во-первых, формирование нового сообщества ученых-социологов, обладавших умением «мыслить социологически», разделявших общие профессионально этические и моральные нормы и имевшие возможность, в силу своих собственных навыков и авторитета, поддерживать высокий научный стандарт социологических исследований (как эмпирических, так и теоретических). Во-вторых, вот-вот должны были появиться серии оригинальных работ методологического и теоретического характера, на основе которых будущая отечественная социология могла бы развиваться. Ожидали выхода в свет оригинальные фундаментальные монографии. Но этому не суждено было сбыться.

Годы застоя

Конец 1960-х гг. — это уже другая эпоха. «Пражская весна» сильно напугала руководителей КПСС. А с введением советских войск в Чехословакию и советская оттепель ушла в прошлое. Более того, начался обратный процесс, отмеченный, в частности, весьма массивным наступлением на общественные науки.

Развернулись кампании по обсуждению и осуждению, в частности, уже упомянутых «Лекций по социологии» Ю.А.Левады, сборника «Историческая наука и некоторые проблемы современности» (Отв. ред. М. Я. Гефтер), монографий «Моделирование социальных процессов», «Проблемы генезиса феодализма» А. Я. Гуревича, «Философские идеи В.И. Ленина и логика» П. В. Копнина, коллективной монографии «Ленин и диалектика общественного развития» (Ред. В. Ж. Келле, В. В. Денисов и Е. Б. Плимак). Далее последовал разгром Института конкретных социальных исследований, разгон Советской ассоциации научного прогнозирования.

В этот период под удар попадали академические структуры (сектора, институты) и конкретные люди («подписанты» и недостаточно лояльные руководители секторов и институтов).

Тогда в институте всеобщей истории был ликвидирован сектор методологии истории (рук. — М.Я.Гефтер). Разгром Института конкретных социальных исследований начался с ликвидации сектора «Методологии исследования социальных процессов» (рук.—Ю. Н. Левада). Пришедший в этот институт новый директор М.Н.Руткевич пересмотрел планы издательства Института и вычеркнул из них практически все работы, претендующих на статус теоретических.

Но семинар Ю. А.Левады, перейдя на полулегальное положение, просуществовал до 1986 г

Интересно, что на семинары в 1970-е гг все так же продолжали ходить люди, которые пытались самостоятельно думать, хотели знать положение дел в обществе и науках об обществе. Здесь продолжалось освоение новых идей теми, кого не устраивал установившийся для обсуждения западных идей жанр «критики буржуазной социологии». Социологические семинары остались единственной формой функционирования «нормальной социологии», параллельной той «квазисоциологии», которая осуществлялась в основном по указке властей и стремительно превращалась в сугубо эмпирическую и исключительно идеологизированную дисциплину (конечно, несколько исправляли ситуацию «теории среднего уровня», которые положили начало отраслевым социологиям: социологии города, семьи, деревни, социологии труда, социологии образа жизни).

Под гнетом эмпиризма, справедливо называемого ползучим, закономерное движение российской социологии в сторону культурологии, социальной психологии и социальной антропологии было прервано, в то время как на Западе она все теснее сближалась с перечисленными дисциплинами. Дальнейшее развитие традиционного для этой отечественной науки теоретизирования в русле общецивилизационных и общекультурных рамок, междисциплинарность исследований, вовлечение в научный дискурс багажа всей гуманистики было искусственно задержано.

Заключение

Являлось ли «семинарское движение» в социологии своего рода параллельной наукой аналогично «второму» (неформальному) искусству?

Мы можем сказать, что в какой-то мере — да, но не в 1950-60-е гг, когда она органично вписывалась в основное русло мировой социологической мысли

Безусловно, научная жизнь в целом вряд ли мыслима без семинаров. Но в 1970-е гг семинарская социология оказалась почти совершенно «неофициальной», находящейся в серьезной оппозиции к официальной социологии. Речь идет не только о наборе обсуждаемых проблем, но и о круге социологов: многие были к тому времени «отлучены» от отечественной социологии: изгнаны из института, вынуждены эмигрировать.

Нельзя не признать, что во многом благодаря семинарам было сохранено ядро профессионалов, с началом перестройки вернувшихся в «большую науку», возглавивших новые центры и службы.

Подытожить все это позволяет Ю.А.Левада, который вспоминает: «Семинарская жизнь, расцветшая в «полутьме» (полудозволенность, полузапретность, полупрофессиональность и т.д.), утратила смысл в новых условиях, когда стало возможным практически свободно работать, организовываться, публиковаться на «свету» Но очень трудным оказался переход от периода расшатыва-

ния идеологической монополии, расширения кругозора, осторожных намеков или дерзких выходок — все это принадлежности времени, которое, в частности, было отмечено как «семинарское» — к периоду практической работы, научной, гуманитарной, да и политической тоже».

Примечание:

- 1 Центр хранения современной документации (ЦХСД; бывш. Архив аппарата ЦК КПСС) Ф. 11, Оп 1, Д.227.Лл.83-84.
- 2 *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. - СПб, 1913, вып. 2.
- 3 *Медушевская О.М.* Источниковедение: теория, история и практика.-М.:РГГУ, 1996.
- 4 Российская социология 1960-х годов в воспоминаниях и документах/Ред. Г.С. Батыгин, С.Ф. Ярмолюк, М.Г. Пугачева. - Спб., РХГИ, 1998.
- 5 *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. -М, 1972.
- 6 *Вайль П., ГенисА.* 60-е. Мир советского человека. - М: НЛО, 1996.
- 7 Российская социологическая традиция шестидесятых годов и современность. М-лы симпозиума 23 марта 1994 года. - М., 1994. - С. 23.